

УДК: 811.512.1'367.335.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-563-570

ОТСУТВИЕ ТЮРКСКИХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАК СЛЕДСТВИЕ ВНУТРЕННЕГО УСТРОЙСТВА АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЯЗЫКОВ

М.Э. Дубровина

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

В статье рассматривается фрагмент синтаксической подсистемы тюркских языков, сложные предложения, с позиций системной лингвистики. Тюркские языки обладают своими особенностями, нередко отличающими их от языков индоевропейских. Эти отличия могут быть типологическими: тюркские языки агглютинативные, они обладают качественно-признаковой детерминантой, которая проявляется и на синтаксическом уровне. В статье приводятся интересные факты из области тюркского синтаксиса и демонстрируется возможность языковой системы обходиться без привычных для индоевропейских языков придаточных предложений.

Ключевые слова: тюркские языки, синтаксис, сложноподчиненное предложение, придаточное предложение

ВВЕДЕНИЕ

В разных тюркских языках можно встретить большое количество глагольно-именных форм, которые вводят распространенные синтаксические обороты, зачастую соотносимые с придаточными предложениями индоевропейского типа. Эти обороты могут иметь своего производителя, выраженного самостоятельным словом — местоимением или существительным — что еще более убеждает исследователей трактовать их в качестве зависимых предложений в рамках предложений сложноподчиненных. Однако, по нашему мнению, во многих тюркологических работах по этой теме присутствует скрытая, эксплицитно неоформленная мысль, согласно которой решающим моментом при определении синтаксического статуса рассматриваемой конструкции является семантический эквивалент (перевод) этого тюркского высказывания на европейские языки.

Иллюстративный материал тюркских языков

- (1) Киһи кэлбитэ, мин бардым.
Человек приходить-PST POSS.3SG, я уходить-PST-1SG.
'Человек пришел, я ушел'
- (2) Киһи кэлбитигэр мин бардым.
Человек приходить-ADV.PTCP я уходить-PST-1SG.
'Когда человек пришел, я ушел'».

Между двумя представленными высказываниями Е.И. Убрятовой не проводится существенного различия: и первое, и второе она относит к сложным пред-

ложениям [Убрятова 1976: 12]. А между тем глагольные формы первых частей высказываний, которые означаются одинаковым термином «сказуемое», наделены принципиально разными аффиксами: словоформа «кэлбитэ» представляет собой форму времени [Грамматика якутского языка 1982: 309], а словоформа «кэлбити-гэр» является глагольно-именной (инфинитной) формой с обстоятельственным значением. Аналогичным образом описывают и следующие высказывания:

- (3) Киһи кэлээтин кытта мин бардым. ‘Сразу, **как только пришел** человек, я пошел’.
- (4) Киһи кэллехинэ мин бардым. ‘**Когда (если)** человек **пришел**, я пошел’.

Между тем и в этих случаях глагольная форма первых частей высказываний представляет собой одну из деепричастных (или обстоятельственных) форм глагола. Приведем аналогичные по семантике и форме примеры из современного турецкого языка:

- (5) Adam geldi ben gittim. ‘Человек **пришел**, я ушел’
- (6) Adam geldiği zaman ben gittim. ‘**Когда** человек **пришел**, я ушел’
- (7) Adam gelince ben gittim. ‘**Как только** человек **пришел**, я ушел’
- (8) Adam gelmişken ben gideyim. ‘**Раз уж (если)** человек **пришел**, я пойду’.

Только в пятом примере выделенная глагольная словоформа представляет собой форму прошедшего времени, все остальные словоформы — формы деепричастий или обстоятельственных конструкций, статус которых близок к деепричастиям [Дениз-Йылмаз 2006: 90—97].

ДЕФИНИЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПРЕДЛОЖЕНИЯ»

При столкновении с подобными толкованиями сложных предложений в тюркских языках у исследователя возникает невольный вопрос, что же собственно является критерием предложения как такового? Ведь придаточные предложения — это такие же предложения, как и простые.

В основном, определяя предложение, отмечают два момента: 1) его двучленность (наличие двух компонентов — подлежащего и сказуемого, связанных предикативной связью), 2) выражение им цельной, законченной мысли-сообщения о чем-либо [Ахманова 1966: 347].

Традиционно тюркологи также считают, что для выделения предложения важным является лишь то, чтобы в той или иной форме была выражена связь подлежащего со сказуемым, при этом **как** выражено само сказуемое, не имеет решающего значения [Севортян 1961: 125]. Э.В. Севортян, как и многие другие ученые, полагает, что в тюркских языках предикативная связь может быть выражена как синтетически (с помощью аффикса у предиката) (пример 9, 11, 12), так и аналитически (или лексически), т.е. посредством слов (пример 10, 13, 14) [Севортян 1961: 122].

- (9) Тур. Ben doktorum. ‘Я врач’.
- (10) Тур. Ali doktor. ‘Али врач’.

- (11) Татар. Мин бар-**ган+мын**. ‘Я ходил’.
 (12) татар. Син бар-**ган+сың**. ‘Ты ходил’.
 (13) Диал. татар. Мин ал**ган** ‘я уже взял’. [Пример взят из: Севортян 1961: 124].
 (14) Диал. татар. Син ал**ган** ‘ты уже взял’

При аналитическом (лексическом) способе присутствуют оба члена — подлежащее и сказуемое — но сказуемое может не иметь специального показателя, т.е. не иметь финитной формы, при синтетическом же способе связи подлежащее может быть опущено, тогда как сказуемое имеет обязательное морфологическое оформление.

Очевидно, именно эти идеи легли в основу столь распространенного в настоящее время в тюркском языкознании убеждения, согласно которому сказуемое тюркских придаточных предложений также может быть оформлено не так, как обычное сказуемое, а иметь какие-то иные варианты: причастную или деепричастную форму, форму обстоятельственной конструкции с послелогоми или даже падежные формы от именных форм глагола. Однако в подобных заключениях необходимо соблюдать некую осторожность, чтобы не сделать выводов относительно явлений чужого языка, полагаясь на логику и устройство своего родного. Ведь видеть предикативную связь между существительным, передающим производителя действия, и деепричастием возможно только в том случае, если полагаться на русскую интерпретацию этого оборота.

Дело в том, что в русском языке деепричастия не могут иметь своего производителя, который отличался бы от подлежащего, а в тюркских языках такое наблюдается практически при всех деепричастиях. Так, А.Н. Кононов специально отмечает: «Развернутое обстоятельство, выраженное деепричастием, является вторым центром предложения, при котором может быть **свой субъект** (выделение наше. — М.Д.) (действующее лицо)...» [Кононов 1956: 474]. Именно наличие своего субъекта затрудняет интерпретацию тюркских деепричастных оборотов на европейские языки, т.к. при переводе нельзя воспользоваться аналогичными деепричастными оборотами.

- (15) Ben odaya **girince** (o) sigarasını saklar. ‘**Когда я вхожу** в комнату, он прячет сигареты’. Букв. ‘Я, **войдя** в комнату, он прячет сигареты’.

То же можно сказать и о тех оборотах внутри высказывания, глагольная форма которых имеет показатель той или иной обстоятельственной конструкции. Необходимо подчеркнуть, что согласно данным различных исследований, например, в современном турецком языке количество таких форм превышает 100 [Дениз-Йылмаз 2006: 97].

- (16) **Ben doğmadan önce** (рождаться-AP перед) arkamda sınırsız bir zaman vardı. ‘**Перед тем, как я родился**, за мной было бесконечное время’.
 (17) Onları **üzdüğüm için** (расстраивать-dık-POSS.1SG из-за) kendimi suçlu hissettim. ‘Я чувствовал себя виноватым, **из-за того, что расстраивал** их’.

Кроме того, в тюркских языках помимо деепричастий или обстоятельственных конструкций развернутые обороты в высказывании могут вводить глагольно-именные формы, аналогов которым в европейских языках нет. В тюркологических работах такие именные формы глагола именуются субстантивно-адъективными формами, в виду наличия у них двух функций: субстантивной и адъективной [См. Гузев 1976:62; Дубровина Мухитдинова 2011: 46; Дубровина 2016].

(19) Тур. *Ona ...rasladığı* anlattım.

Он-DAT встречать-*dik*-POSS.1SG-ACC рассказывать-PST.1SG.

‘Я рассказал, **что я его встретил**’. Букв. «я рассказал о своем *встречании* его».

(20) Тур. *Kedim yaklaştığı* duydum.

Кошка-POSS.1SG приближаться-*dik*-POSS.1SG-ACC чувствовать-PST.3SG.

‘Моя кошка почувствовала, **что я приближаюсь**’. Букв. «моя кошка почувствовала *мое приближение*».

Тем не менее, даже наличие аффикса падежа не мешает многим тюркологам трактовать такие тюркские глагольные формы как формы сказуемого придаточного предложения. Иногда для описания таких форм возникает термин, который пытается примирить тюркскую и европейскую традиции — вторичный предикат, а подобные высказывания — полипредикативные конструкции.

По вопросу о сущности предложения автор придерживается позиции, согласно которой решающим критерием для выделения предложения является наличие финитной формы сказуемого (*verbum finitum*). Финитная форма это морфологическое средство выражения мысли, облеченной в форму суждения [Гузев 1990: 61]. Согласно данным логики, «смысловую» основу предложения, как разновидности синтаксической конструкции, составляет именно суждение, т.е. мысль, содержащая информацию о субъекте и предикате одновременно [Копнин 1973: 230—254].

Однако суждение лежит в основе всех предикативных высказываний, которые не обязательно должны быть собственно предложением. По мнению В.Г. Гузева, предикативные словосочетания отличаются от предложений тем, что в них суждение выражается лексическим путем [Гузев 2006: 56]. С этих позиций турецкое высказывание *Ahmet asker* ‘Ахмет — солдат’ не представляет собой предложения, так как в нем отсутствует финитная форма.

Как представляется, финитная форма глагола или имени сформировалась в языке как маркер двучленной мысли, имеющей субъектно-предикатную структуру, и тем самым именно финитная форма позволяет коммуникантам кодировать мыслительное содержание максимально точно и однозначно, недаром иностранцам намного проще воспринимать те высказывания чужой речи, в которых финитная форма присутствует.

Тем не менее, даже признание того, что предикативность может выражаться не обязательно сказуемым, не дает оснований автору сообщения присоединиться к позиции тех исследователей, которые признают вышеназванные высказывания полипредикативными, видя в глагольных нефинитных формах — средство передачи предиката. Поиск ответа на вопрос являются ли подобные формы предикатами или нет, должен быть найден лишь в опоре на типологию синтаксических отношений, которые могут быть выражены в рамках одного высказывания.

ТИПЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В ВЫСКАЗЫВАНИИ

По мнению, которое разделял и Г.П. Мельников, в высказываниях передается информация о субъекте и о предикате, т.е. указывается предикативная связь; кроме того, получает внешнее выражение связь между определением и определяемым, действием и объектом действия, действием и его обстоятельствами. Последние три типа связи, по мнению ученого, чрезвычайно близки друг другу, все они являются связью, возникающей между «конкретизатором» чего-либо, уточнением, и его главным уточняемым компонентом. Близость же этих типов уточнения, связанных одним и тем же, собственно атрибутивным отношением, может быть осознана только при обращении к их функциональному предназначению и выяснению той взаимосвязи, которая возникает в этом случае между языковой системой и мышлением.

Ведь язык — это система элементов, объединенных прежде всего коммуникативной функцией, вследствие чего все его компоненты, в том числе и синтаксические, выполняют функцию выражения в акте речи некоего мыслительного содержания. Именно при исследовании того, чему соответствуют на уровне мышления атрибутивные и предикативные конструкции, становится понятно их принципиальное различие.

Номинация — это воссоздание в сознании слушающего с помощью языковых средств требуемого понятия или образа, тогда как **атрибуция** представляет собой усложненную номинацию, при помощи которой посредством языковых знаков определяются границы и характеристики возбуждаемого образа [Мельников 1969: 109].

Получается, что и дополнение при глаголе, и любое из обстоятельств лишь вводят некие дополнительные уточняющие главный образ характеристики, при этом составляя с ним зачастую на уровне мышления некий единый и порой даже нерасчленимый образ. **Предикация** же принципиально отличается от номинации и атрибуции: акт предикации вносит в сознание слушателя ту или иную степень изменения воссозданного ранее образа [Мельников 1969: 109]. Последовательность знаков, которую трактуют как предикативную, сначала должна возбудить в сознании требуемый образ (предмет мысли), а затем заставить возникнуть другой измененный образ, содержащий новую или неизвестную ранее информацию о предмете мысли.

Таким образом, необходимо осознать, что компоненты, связанные атрибутивными отношениями, имеют функцию конкретизации и уточнения главного понятия, составляя с ним зачастую единый образ, компоненты же предикативных конструкций представляют собой два обособленных образа, функция которых заключается в выражении суждения, мысли двучленной структуры. Исходя из этого методологически неверным представляются попытки отождествить атрибутивные по своей природе грамматические средства, а именно: 1) причастные глагольные формы, которые, бесспорно, выступают в качестве атрибута-уточнения при предмете; 2) деепричастия, являющиеся обстоятельственными уточнениями

при глаголе, 3) а также функционально близкие глагольно-именные формы, со средствами передачи предикативной связи. Ведь никому из исследователей не приходит в голову воспринимать как предикаты родственные им прилагательные, наречия или существительные в падежных формах, выступающие в аналогичных синтаксических позициях — в позициях определения, дополнения или обстоятельства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, наличие большого количества глагольно-именных форм, выступающих в речи в качестве разного рода уточнений, следует признать одной их морфологических особенностей тюркских языков. Системная лингвистика, рассматривая языковую систему тюркских языков в целом, дает объяснение подобной особенности.

Г.П. Мельников, обобщив большое количество фактического материала, сформулировал внутреннюю детерминанту агглютинативных языков как качественно-признаковую. «Тюркская детерминанта требует изображать любую предикацию в форме приписывания теме нового внутреннего свойства, отраженного в виде атрибута» [Мельников 1969: 109]. В результате таких языковых операций все высказывание превращается в длинную цепочку, состоящую из уточнений к последнему слову-предикату, который чаще всего представлен финитной формой.

Именно системный подход дает прочную доказательную основу тому, что многие тюркологи интуитивно ощущали, но не могли эксплицитно объяснить. Все обороты, которые строятся на базе атрибутивных по своей сути морфологических инструментов — причастий, деепричастий и других функционально родственных им глагольных имен — не могут трактоваться как предложения, хоть и придаточные, по причине выполнения ими иных функциональных задач. Те грамматические средства, которые вводят подобные синтаксические обороты, возникли как ответ на запрос системы выражать мыслительное содержание в качестве цепочки атрибутов, дополнительных свойств, возникших у уже известного предмета. Атрибутивный характер любого тюркского высказывания получает свое разъяснение, он вытекает из детерминанты этих языков.

Таким образом, все тюркские обороты, построенные на базе инфинитных форм, т.е. причастий, деепричастий и т.д., даже если эти обороты имеют своего субъекта, необходимо отнести не к придаточным предложениям, а к компонентам простого предложения [Гузев 2006: 56]. Сложноподчиненные же предложения в тюркских языках не получили развития по причине сформулированной внутренней детерминанты. В результате системного анализа можно заключить, что отсутствие сложных предложений представляет собой *одну из типологических черт* агглютинативных языков, имеющих качественно-признаковую детерминанту.

© Дубровина М.Э.

Дата поступления: 1.05.2017

Дата принятия: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1966.
2. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М.: Издательство «Наука», 1982.
3. *Гузев В.Г.* Опыт разработки теоретических основ описания тюркского функционального синтаксиса // *Востоковедение. Филологические исследования.* Вып. 27. СПб.: Издательство С.-Петербургского ун-та, 2006.
4. *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990.
5. *Гузев В.Г.* Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языков) // *Turcologica.* К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1976.
6. *Дениз-Йылмаз О.* Категория номинализации действия в турецком языке. СПб., 2006.
7. *Дубровина М.Э.* О термине «субстантивно-адъективная форма» (САФ) применительно к некоторым глагольно-именным формам тюркских языков // *Актуальные вопросы тюркологических исследований* / под ред. Н.Н. Телицина, Й.Н. Шена. СПб.: СПбГУ, 2016.
8. *Дубровина М.Э., Мухитдинова Х.С.* Сравнительно-типологический анализ причастия с показателем *-gan* в узбекском языке // *Российская тюркология.* № 2(11), Москва-Казань, Издатель: От имени РКТ при ОИФН РАН-И.В. Кормушин, 2011.
9. *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Наука, 1956.
10. *Копнин П.В.* Диалектика, логика, наука. М.: Наука, 1973.
11. *Мельников Г.П.* Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // *Народы Азии и Африки.* № 6. М.: Издательство «Наука», 1969.
12. *Севортян Э.В.* О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках // *Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков.* Ч. III. Синтаксис. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
13. *Убрятова Е.И.* (1976). Исследования по синтаксису якутского языка. Т. II. Сложное предложение, книга первая. Новосибирск: Издательство «Наука», сибирское отделение, 1976.

УДК: 811.512.1'367.335.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-563-570

THE LACK OF TURKIC COMPLEX SENTENCES AS A CONSEQUENCE OF THE INTERNAL STRUCTURE OF AGGLUTINATIVE LANGUAGES

M.E. Dubrovina

Sankt-Petersburg State University

Universitetskaya embankment, 7/9, Saint-Petersburg, Russia, 199034

Abstract. The article discusses a fragment of the syntactic subsystem of the Turkic languages, complex sentences, from the standpoint of systemic linguistics. Turkic languages have their own features, which often distinguish these languages from the Indo-European languages. These differences may be typological: the Turkic languages are agglutinative, they've got a special law which governs the whole system-quality-indicative determinant, which manifests itself on the syntactic level too. The article provides some interesting facts from the field of Turkic syntax, and demonstrates the ability of the language system to dispense with the usual for Indo-European languages dependent clauses.

Key words: Turkic languages, syntax, complex sentence, dependent clause

REFERENCES

1. Ahmanova, O.S. (1966). Dictionary of linguistic terms. Moscow: Sovetskaya ehnciklopediya. (In Russ.).
2. The grammar of modern Yakut literary language. (1982). Phonetics and morphology. Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Guzev, V.G. (2006). Experience in the development of the theoretical foundations of the description of the Turkic functional syntax. *Oriental studies. Philological research, Issue 27*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russ.).
4. Guzev, V.G. (1990). Essays on the theory of Turkic inflection: Verb: on the material of old Anatolian Turkic language. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russ.).
5. Guzev, V.G. (1976). System nominal forms of the turkic verb as a morphological category (on the material of old Anatolian Turkic language and Turkish languages). *Turcologica*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
6. Deniz, Yilmaz O. (2016). The Category of the nominalization of actions in the Turkish language. St. Petersburg. (In Russ.).
7. Dubrovina, M.E. (2016). Some words about the term «substantival-adjectival form» (SAF) for verb-noun forms of Turkic languages. In *Topical issues of Turkic research*, N.N. Telitsin, J.N. Shen (Ed.). St. Petersburg. pp. 49—54. (In Russ.).
8. Dubrovina, M.E. & Mukhitdinova, H.S. (2011). Comparative-typological analysis of the participle with the index -gan in Uzbek language. *Russian Turkology*, 2(11), 41—48. (In Russ.).
9. Kononov, A.N. (1956). Grammar of modern Turkish literary language. Moscow: Nauka. (In Russ.).
10. Kopnin, P.V. (1973). Dialectics, logic, science. Moscow: Nauka. (In Russ.).
11. Melnikov, G.P. (1969). Syntactic structure of Turkic languages from the standpoint of systemic linguistics. *Journal of the peoples of Africa and Asia*, 6. Moscow: Nauka. (In Russ.).
12. Sevortyan, E.V. (1961). About some questions of the complex sentence in Turkic languages. In *Studies on the comparative grammar of the Turkic languages. Part III. Syntax*. Moscow: Izdvo AN SSSR. (In Russ.).
13. Ubryatova, E.I. (1976). Studies on the syntax of the Yakut language. P.I. Complex sentence. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).

Для цитирования:

Дубровина М.Э. Отсутствие тюркских сложноподчиненных предложений как следствие внутреннего устройства агглютинативных языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 563—570. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-563-570.

For citation:

Dubrovina, M.E. (2017). The Lack of Turkic Complex Sentences as a Consequence of The Internal Structure of Agglutinative Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3). 563—570. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-563-570.

Margarita E. Dubrovina, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 563—570. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-563-570.

Сведения об авторе:

Дубровина Маргарита Эмильевна, кандидат филологических наук, доцент Восточного факультета, кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, научные интересы: языкознание, теория тюркской грамматики, сравнительное языкознание тюркских языков, древнетюркские языки (язык рунических памятников), якутский язык, турецкий язык; методика преподавания турецкого языка; e-mail: spbu@spbu.ru.

Bio Note:

Dubrovina Margarita, PhD, Associate Professor (docent), Faculty of Oriental Studies, the Department of Turkic Philology at Sankt-Petersburg State University; *Scientific interests*: Linguistics, theory of Turkic grammar, comparative linguistics of Turkic languages, ancient Turkic language (the language of the runic monuments), the Yakut language, the Turkish language; methods of teaching Turkish language; e-mail: spbu@spbu.ru.